

М. К. Чуркин

ДИСКУРС «ИСТОРИЧЕСКОГО ОДИНОЧЕСТВА РОССИИ» В ЕПАРХИАЛЬНОЙ ПРЕССЕ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

doi:10.30759/1728-9718-2024-4(85)-60-68

УДК 94(47)“1904/1905” ББК 63.3(2)53

В статье на материалах тематических публикаций периода Русско-японской войны 1904–1905 гг. конструируется содержание дискурса «исторического одиночества России», представленного в отечественной епархиальной прессе. Установлено, что интонации, риторика и смыслы, составлявшие представления российской интеллигенции XVIII – первой половины XIX в. о невключенности России в существовавшие цивилизации, приобретали алармическое напряжение в дискурсе национал-консерваторов и стали важной составляющей имперского понимания места России на внешнеполитической арене. Воспринятая консерваторами травматическая ситуация «исторического одиночества» как постоянно враждебного окружения и отсутствия союзников разделялась самодержавной властью, принималась Русской православной церковью и использовалась как паттерн в епархиальной публицистике мирного и, в особенности, военного времени. В рамках настоящего исследования, с апелляцией к текстам епархиальных корреспондентов, выявлено коммуникативное согласие авторов публикаций в представлениях о войне и участии России в русско-японской кампании как вынужденном, но благородном деле, объясняемом не только коварством и вероломством реального врага — Японии, но и деятельностью скрытых внешних врагов и недоброжелателей Российской империи. При обсуждении причин и перспектив военных действий на Дальнем Востоке в 1904 г. корреспонденты изданий синхронно писали о недоброжелателях и врагах России как факторе, определявшем ход военных действий. Неудачи и военно-дипломатические поражения 1905 г. частично видоизменили стилистику и содержание публикаций, а формировавшийся на страницах прессы дискурс «исторического одиночества» стал пополняться сюжетами о нравственном кризисе российского общества и религиозном равнодушии населения.

Ключевые слова: *историческое одиночество, дискурс, Русско-японская война, Русская православная церковь, епархиальная пресса, Российская империя*

Вторая половина XIX — начало XX в. — период знаковых перемен в социально-политической, экономической и культурной жизни Российской империи, время небывалого ранее подъема общественных настроений. Одним из основных каналов представления коллективных мнений о состоянии и перспективах российского социума выступала периодическая печать, роль которой не ограничивалась отражением отдельных событий, поскольку российская периодика являла собой своеобразное коммуникативное пространство взаимодействия сословий, социальных групп, локальных сообществ.

В бурной общественно-политической полемике, развернувшейся в пореформенную

эпоху на страницах периодических изданий, участвовала как светская, так и церковная пресса, что свидетельствовало о включении клира в широкий имперский дискурс, фиксировавший отношение представителей церковного сообщества к важным внутривнутриполитическим и внешнеполитическим явлениям современности.

Русско-японская война 1904–1905 гг. относилась к разряду живо обсуждаемых в российском обществе событий, став весьма распространенным сюжетом в епархиальной прессе, что наглядно подтверждается и историографической традицией. К теме отражения Русско-японской войны в епархиальной периодике неоднократно обращались специалисты, усилия которых были направлены на оценку военных событий, классификацию тематических сюжетов публикаций военного времени, особенности конструирования образа врага в прессе, анализ вклада различных слоев российского общества, в том числе духовенства,

Чуркин Михаил Константинович — д.и.н., профессор кафедры отечественной истории, Омский государственный университет (г. Омск); г.н.с., Тобольская комплексная научная станция УрО РАН (г. Тобольск)
E-mail: proffchurkin@yandex.ru

в организацию материальной помощи и моральной поддержки комбатантов и т. д.¹

Признавая масштабный вклад коллег в исследование рецепции Русско-японской войны епархиальными изданиями, в настоящей статье предлагаем изменение исследовательской оптики в направлении осмысления дискурса как целостного коммуникативного события действительности, объединенного своим собственным содержанием, зафиксированным в текстах, порожденных конкретной идеологической, политической и социокультурной ситуацией. В указанном отношении выражение «историческое одиночество России» восходит к периоду конца XVIII — первой половины XIX в., тесно сплетаясь с обстоятельствами формирования российской интеллигенции, инициировавшей обсуждение вопроса «что есть Россия, и какова ее судьба».² Данная проблематика не только не потеряла своей актуальности во второй половине XIX — начале XX в., но в ситуациях катастрофических (войны, революции), как правило, вспыхивала с новой силой.

Источниковой базой исследования стали тексты епархиальных периодических изданий в регионах Российской империи, включенных в орбиту военных действий на Дальнем Востоке.³ Так, привлечение к исследованию журналов Русской православной церкви Черноземного центра, было мотивировано аграрно-земледельческой спецификой района и преобладанием в структуре населения кре-

стьянства как главного источника мобилизации; обращение к публикациям в епархиальной прессе Западной и Восточной Сибири, Степного края, Дальнего Востока, помимо тех же причин мобилизационного свойства, указывало на географическую приближенность территории военного столкновения и геополитическую озабоченность местных общественных сил ходом и перспективами войны; интерес к публикациям официального характера, а также статьям и заметкам в неофициальных разделах центральных епархиальных журналов («Московские церковные ведомости») предполагал выявление отношения церковных корреспондентов к войне в контексте общественной ситуации в крупных центрах Российской империи. При работе с епархиальными журналами учитывалась вся сложность и многогранность организации коммуникативного пространства корреспондентов издания. Корпус авторов был представлен служителями церкви, духовных миссий, учителями школ (аульных, миссионерских), преподавателями епархиальных училищ, выполнявших функции журналистов на добровольных и бескорыстных началах, что, несомненно, свидетельствовало об их заинтересованности в обсуждаемых проблемах. Обычным делом становились внутрисибирский обмен публикациями или перепечатки статей из сибирских епархиальных изданий (в силу территориальной близости к фронту быстрее реагирувавших на фронтовую ситуацию) в журналах Европейской России.

При обработке текстов, извлеченных из епархиальных журналов 1904–1905 гг., использовался метод дискурс-анализа, где текст рассматривается как «целостное коммуникативное явление и его продукт, сложная система иерархии знаний, включающая кроме текста еще и экстралингвистические, социальные и иные факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата и др.), необходимые для понимания текста».⁴

В порядке общего вступления заметим, что представления отечественных либералов об «историческом одиночестве России» как о ее не включенности ни в одну из цивилизационных структур (западную и восточную) определенным образом разделяла и имперская власть, пытавшаяся найти практические

¹ См.: Опиок Т. В. «Могилевские епархиальные ведомости» о событиях русско-японской войны 1904–1905 гг. // Романовские чтения: сборник трудов Международной научной конференции. Могилев, 2005. С. 91–94; Буранок А. О. Русско-японская война на страницах «Самарских епархиальных ведомостей» // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 79–86; Лёвина В. П. «Владивостокские епархиальные ведомости» о русско-японской войне 1904–1905 гг. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 491–495; Лепилкина О. И., Макарова О. А. Специфика освещения русско-японской войны в журнале «Ставропольские епархиальные ведомости» (1904–1905) // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 3. С. 235–239.

² См.: Бердяев Н. А. Душа России // Русская идея. Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002. С. 289–318; Философские письма // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 1.

³ Был произведен сплошной просмотр изданий Сибири, Степного края, Дальнего Востока и ряда губерний Европейской России за 1904–1905 гг.: «Томские епархиальные ведомости», «Тобольские епархиальные ведомости», «Томские епархиальные ведомости», «Омские епархиальные ведомости», «Владивостокские епархиальные ведомости», «Иркутские епархиальные ведомости», «Курские епархиальные ведомости», «Воронежские епархиальные ведомости», «Тамбовские епархиальные ведомости», «Орловские епархиальные ведомости».

⁴ Ирхин Ю. В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 4. С. 128–143.

сценарии преодоления такого положения. «Во всем свете у нас только два верных союзника — наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас».⁵ Этот афоризм, приписываемый российскому императору Александру III, необыкновенно точно отразил тревоги и ожидания русского общества пореформенного времени.

Поражение в Крымской войне 1853–1856 гг., восстание польской шляхты 1863 г., неоднозначные, скорректированные в рамках Берлинского трактата не в пользу России и балканских стран итоги Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. создали атмосферу эскалации общественно-политического дискурса «исторического одиночества России», основные черты которого сложились в предшествующие эпохи. К их числу относятся: вотчинная модель российской государственности и традиции собственнических представлений о власти, на фоне которых федерализм и сословно-представительные формы организации власти и общества были неконкурентоспособны; восточный вариант христианства (православие), усугубивший состояние одиночества России в европейском мире; узкий спектр поля общественного мнения, реализуемого исключительно в практиках институционального протеста дворянства как социальной опоры власти (дворцовые перевороты, восстание декабристов).

Своеобразной причиной начала обсуждения «исторического одиночества России» стали Великие реформы 1860–1870-х гг. Дискуссионный формат обсуждения программы реформ и путей ее реализации показал, с одной стороны, мощный интеллектуальный потенциал русского общества, с другой — «расщепленность» образованной части социума на сторонников либеральных практик модернизации империи по европейским лекалам и «охранительной» модели собственного вектора развития, этнического выравнивания и создания «большой русской нации».

В 1880–1890-х гг. в общественной атмосфере наметились очевидный кризис либеральной парадигмы и усиление позиций российских национал-консерваторов. В работах отечественных историков резонно отмечается, что значительное место в консервативном сегменте дискурса этого времени стало занимать обсуждение внешнеполитического курса Российской империи, призванного обеспечить

государственную безопасность.⁶ На страницах редактируемых лидером «охранителей» М. Н. Катковым изданий были сформулированы и озвучены главные лозунги «консервативного поворота» второй половины XIX в., вытекавшие из трафаретных для сообщества консерваторов идей вечного враждебного окружения России и неразрывной связи русского народа с верховной властью; государственного патриотизма как инструмента поддержания национальной идентичности.

В публикациях российских консерваторов еще в 1860–1870-х гг. отчетливо проявились алармические настроения и скепсис по отношению к потенциальным союзникам Российской империи в системе дипломатических отношений и предстоящих военных конфликтов. М. Н. Катков писал: «Государственные люди в Европе знают, что против России напрягает теперь свои усилия вся организованная европейская революция... Она уже разыгралась в Польше, она уже разбрасывается по всему пространству наших западных губерний, и она, конечно, воспользуется всяким удобным случаем, чтобы прорваться там или тут на громадном протяжении России...»⁷ Рассуждая о внешнеполитическом статусе Российской империи и, в частности, итогах Крымской войны, Катков неизменно подчеркивал, что при всех военных неудачах эта кампания «была ведена нами с честью, ведена против соединенных сил почти целой Европы».⁸ При этом он добавлял, что «все политическое искусство европейских правительств по отношению к России состояло в том, чтобы вовлекать ее правительство в такие положения и сочетания, которые наименее соответствовали бы ее собственным интересам, ...при этом недоброжелательство к России не утратило своей силы, — напротив, оно стало определеннее и потому опаснее».⁹

В представлениях российских «охранителей» травматические переживания военного поражения в Крымской войне усиливали настроения «исторического одиночества» в обществе и трактовались как «унижение, <...> нестерпимое для народа, не лишенного чувства чести и уважения к себе, и совершенно не-

⁶ См.: Арсланов Р. А., Линькова Е. В. Внешняя политика России и Запада в зеркале российской общественной мысли XIX в. М., 2022.

⁷ Катков М. Н. Истинный и разумный патриотизм // Идеология охранительства. М., 2009. С. 133.

⁸ Катков М. Н. Мнимое и действительное // Там же. С. 138.

⁹ Катков М. Н. Русский вопрос в Европе // Там же. С. 147, 148.

⁵ Великий князь Александр Михайлович: книга воспоминаний. М., 1991. С. 67.

возможное для великой державы». ¹⁰ В результате в дискурсе консерваторов концепт «война» наполнялся новым содержанием: «Русское государство выдержало страшные войны; но они не только не разрушили его, а напротив, способствовали его усилению. Война возбуждает народные силы, вызывает народное чувство, которое теснее и крепче связывает все элементы государственного организма и все части народонаселения». ¹¹

Апология войны и реваншизма как реакции на «травму» военных и дипломатических поражений России, озвученные в дискурсе «охранителей» в конце XIX — начале XX в., становятся общим местом в высказываниях общественных деятелей консервативного толка. Риторика оправдания справедливой войны, наполнившая информационное пространство, опиралась на веру в провиденциальное назначение России, чье «историческое одиночество» компенсируется национальным превосходством. Теоретик неославянофильства барон М. Ф. Таубе данное состояние выразил довольно лаконично: «Превосходство народно-русской политической жизни и русской государственной правды должно повлиять впоследствии на всю жизнь всех остальных государств всей земли». ¹² Существенным в формировании дискурса «исторического одиночества России» представляется идейное усложнение в начале XX в. положений «уваровской триады» — православия, самодержавия, народности. В концепции М. Ф. Таубе церковная соборность понималась как церковно-общественный союз, сплоченный любовью и основанный на исповедании догматов истинного православия; кесарское государственное устройство, единственное благословенное Богом; общинный семейный быт, единственный природный, не искаженный насилием, и патриархальный строй с прародительским складом. ¹³

В предложенную общественно-политическую модель органично вписывалась Русская православная церковь, обнаружившая на рубеже веков возможности преодоления кризиса влияния на паству в миссионерской деятельности на окраинах империи, а также в проповеднической и благотворительной работе.

¹⁰ Катков М. Н. Цельность и однородность русского государства // Там же. С. 67.

¹¹ Там же. С. 68.

¹² Таубе М. Ф. Триединство как основа соборности и духовности. Петроград, 1910. С. 6.

¹³ См.: Там же. С. 4–7.

Тревога и недоверие к внешнему окружению России, характерные для мироощущения светских представителей консервативного спектра, были также свойственны церковным деятелям и широко транслировались в епархиальной прессе начала XX в. В редакторской колонке журнала «Томские епархиальные ведомости» за 1904 г. автор, обозначая задачи корреспондентов, уподоблял издание «сторожевой башне, с которой должно быть видно во все стороны епархии, какая и откуда святой Церкви грозит опасность». ¹⁴

С началом Русско-японской войны в епархиальных изданиях дискурс «исторического одиночества России», усиленный ощущениями страха за судьбу отечества и православной церкви, стал характеризоваться особым напряжением, развиваясь сразу в нескольких направлениях.

Во-первых, в изданиях 1904–1905 гг. рельефно обозначился прием апологии войны и восприятия текущей военной кампании как богоугодного дела, осуществляемого государством, церковью и народом без внешней поддержки. Понимание войны как инструмента консолидации общественных и государственных сил, многократно озвученное в «катковских» изданиях (газета «Московские ведомости» и журнал «Русский вестник»), практически без изменений переместилось на страницы церковной периодики. Протоиерей И. Петропавловский в слове к пастве резюмировал: «Война с неприятелем... открывает светлую сторону в нашем современном общественном настроении, и именно ту, что она породила собой необычайный подъем нашего народного патриотизма». ¹⁵ Московский епархиальный корреспондент Н. К. писал: «Неизменная обязанность наша молитвами защищать и ограждать отечество от врагов. Но если верховная власть признает нужным употребить на пользу общую и руки наши и грудь, мы беспрекословно должны повиноваться». ¹⁶ Ему вторил и Митрополит Антоний, опубликовавший на страницах «Владивостокских епархиальных ведомостей» всеподданнейшее письмо государю с заверением: «Молитва наша за Тебя усердная преданность наша Тебе крепкая. Будем

¹⁴ От редактора // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 10. С. 12.

¹⁵ Петропавловский И. Слово в день священного коронавания Благочестивейшего Государя Императора Николая Александровича // Московские церковные ведомости. 1904. № 22. С. 263.

¹⁶ Н. К. Церковь и война // Там же. 1904. № 16. С. 196.

молиться неустанно, но сумеем, как нужно будет и умереть за Веру, за Тебя и Отечество. Располагай нами и имуществом нашим...»¹⁷

В епархиальной печати идея справедливой войны, допускающей церковь не только к опосредованному, но и к прямому участию в военном деле, косвенным образом объяснялась церковными журналистами ограниченной поддержкой России мировым сообществом. В обсуждении причин и перспектив войны на Дальнем Востоке корреспонденты согласованно писали о недоброжелателях и врагах России. В речи, произнесенной в дни начала Русско-японской войны в Курском дворянском собрании, содержался следующий фрагмент: «Что такое Япония, которую мы так недавно знали едва только по имени по сравнению с Россией, пространство которой едва измеримо? Но это колосс, внутри которого все сгнило, ободряют себя враги наши!»¹⁸ О происках врагов России сообщали и томские епархиальные журналисты: «То, к чему не могли принудить слабую, еще только образующуюся Россию все европейские народы с их цветущей цивилизацией, того менее чем в год достигла языческая страна, еще вчера не посягавшая на значение великой державы».¹⁹ Епископ Томский и Барнаульский Макарий в речи, произнесенной по прочтении Высочайшего Манифеста от 27 января 1904 г. по поводу разрыва дипломатических отношений с Японией 1 февраля 1904 г., уверенно заявлял: «У нас нет, или почти нет, друзей: друзья и близкие наши стоят вдали от нас. Зависть, как злодейка, всегда и повсюду преследует нас».²⁰

Призывая к общественному сплочению, корреспонденты-священнослужители часто «проговаривались», невольно подчеркивая неизбежность присутствия в российской действительности опасного вражеского окружения: «Наша нравственная сплоченность будет нашей мощью, которая не менее должна быть грозна для настоящих и будущих врагов».²¹ Антияпонские высказывания, вышедшие в

1904 г. на первый план в публикациях епархиальной прессы, позиционировалась и как условие конструирования широкомасштабного образа врага, в системе координат которого Европа рассматривалась в качестве культурного донора японского милитаризма. Корреспонденты отмечали, что Япония усвоила все новейшие изобретения и открытия и применила их настолько, насколько нужно было для укрепления ее военного могущества: «...устроенные по европейскому образцу армия и флот подняли самомнение японцев..., они открыто заявляют, что Япония в отдаленном будущем станет наследницей Европы».²²

Во-вторых, содержание дискурса «исторического одиночества России» в публикациях епархиальных журналов не исчерпывалось язвительными оскорблениями в адрес явных неприятелей империи, обнаруживаемых во внешней среде. С точки зрения авторов, единство государства, церкви и общества в условиях военного конфликта подрывалось деятельностью внутренних врагов. При этом понятие «внутренний враг» являлось сложно структурированным и включало несколько уровней.

Часть материалов можно классифицировать как продолжение реакции клира на кризис традиционализма, ставший продуктом культурной модернизации России, уходящей корнями в эпоху Петра I и скорректировавшей модели русской национальной жизни в XIX в. Приходской священник и корреспондент «Московских церковных ведомостей» Н. Р-ов в поисках причин отчуждения отечественной интеллигенции от церкви увидел их в бесконтрольном европейском влиянии и практиках воспитания дворянства, распространившихся после Отечественной войны 1812 г., «когда оставшиеся в России французские солдаты поступили в качестве учителей и воспитателей в дома русских помещиков в отдаленных и захолустных поместьях <...>, а в столицах, центральных городах всегда можно было разыскать иностранных гувернеров и бонн».²³ По мнению автора, дворянские дети, воспитанные иностранцами, не усваивают «русского духа», воспринимая от своих гувернеров критичность и неприязнь к священникам, а также равнодушие к православной церкви. Корреспондент томского издания, комментируя общественные

¹⁷ Всеподданейшее письмо Митрополита Антония // Владивостокские епархиальные ведомости. 1904. № 6. С. 111.

¹⁸ Речь, сказанная в зале дворянского собрания 23 февраля 1904 г. перед чрезвычайным собранием курского дворянства // Курские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 137.

¹⁹ На помощь в деле обновления // Томские епархиальные ведомости. 1905. № 3. С. 18, 19.

²⁰ Речь преосвященнейшего Макария // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 4. С. 1.

²¹ Слово, сказанное в Казанском кафедральном соборе протоиереем о. М. Фивейским // Иркутские епархиальные ведомости. 1904. № 4. С. 20.

²² Чего хочет Япония? // Там же. С. 87.

²³ Р-ов Н. К вопросу об отчуждении интеллигенции от церкви // Московские церковные ведомости. 1905. № 10. С. 119.

настроения в годы Русско-японской войны и Первой русской революции, отмечал «дух какого-то общего недовольства, болезненного раздражения, начиная от рабочих и гимназистов до профессоров».²⁴ Основным источником опасности для современного ему общества и главным внутренним врагом России журналист назвал «рьяный либерализм <...>, которому высокие идеи патриотизма и любви к отечеству чужды и непонятны».²⁵ Священник Д. Ромашков заключал: «Так вот от чего хотят освободить себя наши либералы, восставшие столь единодушно и проводящие столь рьяно свои либеральные взгляды в современной печати: они хотят освободить себя от Веры, Царя и Отечества, они не хотят иметь с ними ничего общего, они не хотят быть русскими людьми. <...> добро они хотят заменить злом».²⁶

Понятие «внутренний враг» в дискурсе епархиальных изданий предполагало проведение границы в общественной сфере, отделяющей не только истинных патриотов отечества от откровенных противников войны и режима самодержавной власти, но и тех, кто безоговорочно поддерживал патриотическое направление, от сомневавшихся в смысле и результатах военной кампании на Дальнем Востоке. Корреспондент А. Луговой определял «заблудших» и откровенных внутренних врагов по-разному: «У нас, несмотря на общий подъем патриотизма, вызванный нынешней войной, несмотря на то, что и простой народ инстинктивно чувствует все великое значение начавшейся борьбы, все еще находятся охотники утверждать, что эта война не популярна. И не только в частных разговорах, но и в печати решаются высказывать мнение, что у нас на Дальнем Востоке нравственных интересов нет никаких, а материальные самые ничтожные»; «И уже совсем непростительно и бесчеловечно поведение тех, кто в такие минуты, когда наши братья идут умирать за родину, стараются доказать отсутствие цели войны, а следовательно и ненужность их славных подвигов и геройской смерти».²⁷

В-третьих, осознание «исторического одиночества России» в отражении епархиальной прессы основывалось на понимании состояния

религиозности российского общества. Общим местом публикаций 1904–1905 гг. становились сентенции об упадке нравственного чувства и маловерии россиян: «К прискорбию, число истинных христиан с каждым годом уменьшается, а число таких, которые только по имени христиане, увеличивается... Нынешняя война служит наказанием нам за нашу религиозно-нравственную расшатанность...»;²⁸ «...что особенно тяжело, это то, что даже нет силы роптать: напротив, всем своим существом чувствуешь, что все это безысходное горе заслуженно постигло русских людей, и изнывшее сердце со жгучею болью повторяет так, отчетливо, так мучительно ясно: “Прав Ты, Господи, что так судил нас”».²⁹

Не менее ярко в последний период военной кампании на Дальнем Востоке в статьях и заметках журналистов проявила себя риторика, близкая по звучанию к апокалиптической, в которой нравственный кризис общества и религиозное равнодушие позиционировались как объяснение военных неудач. В публикациях, появившихся накануне и во время подведения дипломатических итогов Русско-японской войны, регулярными становятся фразеологические обороты: «это время тяжелое, безотрадное, гнетущее»;³⁰ «сердце исходит кровью от боли невознаградимых утрат и позора»;³¹ «мы не только не каемся, но еще усугубляем вину нашу пред Богом правды и любви внутренними смутами»;³² «и правительственные сообщения, и периодические частные издания в один тон говорят о великой смуте, которая раздирает землю русскую»;³³ «О, горе великое! Люди русские, христиане православные восстают против законной власти, враждуют друг против друга, в то время, как их братья сражаются на Дальнем Востоке».³⁴

Значимой частью дискурса «исторического одиночества России» в условиях военных поражений становился мотив высшего Промысла и Божьей кары за безверие. В текстах

²⁴ Гражданин. Чем мы больны и чем нужно лечиться // Томские епархиальные ведомости. 1905. № 11. С. 11.

²⁵ Там же. С. 13.

²⁶ Ромашков Д. Истинный и ложный консерватизм и либерализм // Московские церковные ведомости. 1904. № 51–52. С. 598.

²⁷ Луговой А. За что эта война? // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 10. С. 32.

²⁸ Архимандрит Иоанн Слово в день тезоименитства Государя Императора // Иркутские епархиальные ведомости. 1905. № 1. С. 10, 11.

²⁹ Борец. Тяжелые дни // Томские епархиальные ведомости. 1905. № 13. С. 11.

³⁰ Богоявленский К. Письмо к пастырям // Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. № 10. С. 231.

³¹ Борец. Тяжелые дни. С. 11, 12.

³² Полотебнов А. Суд Божий над нами в эти дни // Московские церковные ведомости. 1905. № 23. С. 253.

³³ Гривцев Н. Заря новой жизни на Руси // Тобольские епархиальные ведомости. 1905. № 8. С. 64.

³⁴ Послание Святейшего Синода по поводу беспорядков рабочих // Курские епархиальные ведомости. 1905. № 3. С. 23.

корреспондентов удивительным образом переплетались констатация величия России и утраты русским народом божественного покровительства: «Хотя общественные бедствия наши — бедствия войны доведены Правосудием Божьим наконец до того, что после потопления нашего флота в море Японском явно стало для нас, что Спаситель Бог наш “Господь сил” не с нами уже — христианами по имени и притом великим народом в мире, а с языческим, враждебным нам, маленьким народом».³⁵ В авторских материалах неизменно подчеркивалось, что «война христианского государства с языческим делается трудной и продолжительной, так как Бог дает успех на войне только благочестивому народу, а для порочных война служит наказанием».³⁶

Весьма показательным для оформлявшегося в епархиальной прессе дискурса «исторического одиночества России», основанного на декларации имперского величия, отсутствия союзников и враждебного окружения, было стремление игнорировать или дискредитировать непосредственного военного противника. В начале Русско-японской войны образ врага-японца конструировался в церковной печати в соответствии с эволюционистскими установками второй половины XIX — начала XX в., в рамках которых Япония воспринималась языческой, отсталой в экономическом отношении страной, обозначалась как «языческая Япония», «воровская Япония», а по отношению к населению использовались эпитеты — «настоящие варвары и пронырливые азиаты».³⁷

Только в 1905 г., в обстановке приближавшегося конца войны и осознания в российском обществе неутешительных ее итогов, в ряде статей начал демонстрироваться интерес к культуре и религии Японии, образу жизни ее народа, сложностям военного противостояния с хорошо обученным неприятелем.³⁸

Несмотря на попытки ряда епархиальных журналистов изменить интонацию в обсуждении событий Русско-японской войны, выйти за рамки трафаретных схем дискурса «исто-

рического одиночества России» и predeterminedных ему коннотаций, заданное «охранителями» второй половины XIX в. настроение превалировало на всем протяжении обсуждения событий дальневосточной кампании.

Вновь возвращаясь к дискурсу российской внешней политики, представленный в консервативных изданиях, можно лишним раз убедиться в том, что в войне, как последнем аргументе России на международной арене, в конечном итоге основная ставка делалась на армию и героизм воинов, компенсирующих дефицит или отсутствие союзников. Еще в середине XIX в. М. Н. Катков утверждал: «...армии у нас достаточно; она лучше вооружена, чем когда-либо прежде, и стоит только взглянуть на лица наших солдат, когда они строем проходят мимо вас, чтоб успокоиться духом».³⁹ Отдавая себе отчет в том, что любая война влечет многочисленные жертвы, и в глубине души не желая ее, Катков не отказывал себе в удовольствии объявить, что «семьсоттысячная армия (российская), состоящая из опытных солдат, заставила бы Европу говорить с нами иным языком..., когда в дело вступят дружины наших мужичков, которые, конечно, не задумаются... броситься с топорами на огнедышащие батареи...»⁴⁰

В отражении событий Русско-японской войны в епархиальных журналах практически с первых дней была воспринята и растиражирована «катковская» риторика: «Разве им неизвестно, что у нас миллионная армия, которая вот уже более двухсот лет не знает поражения? <...> Разве ничего не известно о подвигах наших моряков в последнюю войну? А с такими чудо-богатырями нам не страшны никакие японцы».⁴¹ Антитезой образа коварного врага — «пронырливого азиата» — стали «славные казачки» и «великие воины необъятной России». Вместе с тем уже в публикациях 1904 г., когда стали очевидными предстоящие трудности военного противостояния с Японией, мотив силы русской армии и героизма воинов был несколько скорректирован от «шапкозакладательских» настроений и победного апломба к идее о жертвенности как национальной черте русского народа: «Но родина-мать умеет приносить жертвы своими

³⁵ Полотебнов А. Указ. соч. С. 253.

³⁶ Архимандрит Иоанн Слово в день тезоименитства Государя Императора // Иркутские епархиальные ведомости. 1905. № 1. С. 10, 11.

³⁷ Панормов И. К войне с Японией // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 4. С. 37, 38.

³⁸ См.: Н. К. Религиозные верования врагов наших — японцев // Московские церковные ведомости. 1905. № 2. С. 14, 15; Из письма полкового священника 9 сибирского пехотного Тобольского полка // Тобольские епархиальные ведомости. 1905. № 20. С. 405–410.

³⁹ Катков М. Н. Истинный и разумный патриотизм... С. 132.

⁴⁰ Там же. С. 131.

⁴¹ Речь, сказанная в зале дворянского собрания 23 февраля 1904 г. перед чрезвычайным собранием курского дворянства // Курские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 137.

сынами и своим достоянием. Она стоит твердая и мужественная, готовая постоять до конца за русскую честь. Кто не знает, что большое несчастье поднимает благородные души на такую высоту, на какую только способен человек подняться. Испытание, посланное нам, дошло до своего предела и раскроет всю силу русской души, всю энергию русскую — эту великую добродетель народов». ⁴² Данный мотив приобретает провиденциальный оттенок в 1905 г., ознаменованном самыми значительными поражениями русской армии и флота: «Христолюбивое воинство наше явило миру чудеса храбрости и терпения в отдаленной и чуждой стране. Невзирая на доблесть героев-защитников, пала твердыня наша на Дальнем Востоке — крепость Порт-Артур и, по воле Божьей, не настал еще конец борьбы, на которую должны быть собраны все народные силы». ⁴³

В конечном итоге в публикациях епархиальных изданий последнего года войны произошло соединение главных нарративов, фрагментарно отразивших содержание дискурса «исторического одиночества России» — божественного предопределения и наказания за грехи, жертвенности и народного подвига: «Это не слепой удар судьбы, но удар явный и

назидательный, в котором значение указания или урока подчеркивается тем обстоятельством, что обычные виновники подобных катастроф, защитники крепости, не только не оказались виновными, не только не поддались малодушию, но наоборот показали пример невиданного героизма...» ⁴⁴

Резюмируя, отметим, что в представлениях корреспондентов епархиальных изданий о событиях Русско-японской войны 1904–1905 гг. оказалась наглядно отражена реакция консервативной части российского общества на внешнеполитические события, восприятие которых во многом было обусловлено внутренним состоянием Российской империи и логикой ее исторического пути. Дискурс «исторического одиночества России», транслируемый в епархиальной периодике Русской православной церковью и ее журналистским корпусом, был призван подтвердить поддержку РПЦ самодержавному государству и коммуникативное согласие власти и церкви в вопросе о культурном изоляционизме России, трактуемом в сходной риторике национальной самобытности, отстаивание которой становится священной обязанностью и полем жертвенного героизма российского народа.

Mikhail K. Churkin

Doctor of Historical Sciences, Omsk State Pedagogical University (Russia, Omsk); Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of the RAS (Russia, Tobolsk)
E-mail: proffchurkin@yandex.ru

DISCOURSE OF “HISTORICAL LONELINESS OF RUSSIA” IN THE DIOCESAN PRESS DURING THE RUSSO-JAPANESE WAR

The article based on materials from thematic publications of the Russo-Japanese War period constructs the content of the “historical loneliness of Russia” discourse presented in the domestic diocesan press. It is established that the intonations, rhetoric and meanings that made up the ideas of the Russian intelligentsia of the 18th — first half of the 19th centuries about Russia’s non-inclusion in existing civilizations, acquired alarming tension in the discourse of national conservatives and became an important component of the imperial understanding of Russia’s place in the foreign policy arena. The traumatic situation of “historical loneliness” perceived by conservatives as a permanent hostile environment and the absence of allies was shared by the autocratic government, accepted by the Russian Orthodox Church and used as a pattern in diocesan journalism in peacetime and, especially, wartime. Within the framework of this study, drawing upon the texts of diocesan correspondents, the communicative agreement of the authors of publications was revealed in the ideas about the war and Russia’s participation in the Russo-Japanese campaign as a forced but noble cause, explained not only by insidiousness and treachery of the real enemy — Japan, but also by the activities of hidden external enemies and ill-wishers of the Russian Empire. Discussing the causes and prospects of military operations in the Far East in 1904, correspondents from publications simultaneously wrote about the ill-wishers and enemies of Russia as a factor determining the course

⁴² Проясняющееся самосознание // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 10. С. 24.

⁴³ Послание Святейшего Синода по поводу беспорядков рабочих // Курские епархиальные ведомости. 1905. № 3. С. 22.

⁴⁴ На помощь в деле обновления // Томские епархиальные ведомости. 1905. № 3. С. 19.

of military operations. The failures and military-diplomatic defeats of 1905 partially modified the style and content of publications, and the discourse of “historical loneliness” that was emerging on the pages of the press began to be replenished with stories about the moral crisis of Russian society and the religious indifference of the population.

Keywords: *historical loneliness, discourse, Russo-Japanese War, Russian Orthodox Church, diocesan press, Russian Empire*

REFERENCES

- Arslanov R. A., Linkova E. V. *Vneshnyaya politika Rossii i Zapada v zerkale rossiyskoy obshchestvennoy mysli XIX v.* [Foreign Policy of Russia and the West in the Mirror of Russian Social Thought of the 19th Century]. Moscow: Rossiyskiy universitet druzhby narodov (RUDN) Publ., 2022. (in Russ.).
- Berdyayev N. A. *Russkaya ideya: Osnovnyye problemy russkoy mysli XIX v. i nachala XX v. Sud'ba Rossii* [Russian Idea: The Main Problems of Russian Thought of the 19th Century and Early 20th Century. The Fate of Russia]. Moscow: ZAO “Svarog i K” Publ., 1997. (in Russ.).
- Buranok A. O. [Russo-Japanese War on the Pages of the “Samara Diocesan Gazette”]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Skill], 2007, no. 4, pp. 79–86. (in Russ.).
- Irkhin Yu. V. [Discourse-Analysis: Essence, Approaches, Methodology, Projecting]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2014, no. 4, pp. 128–143. (in Russ.).
- Katkov M. N. *Ideologiya okhranitel'stva* [Ideology of Conservation]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2009. (in Russ.).
- Lepilkina O. I., Makarova O. A. [The Peculiarities of the Coverage of the Russian-Japanese War in the Magazine “Stavropol Eparhial Gazette” (1904–1905)]. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya* [Humanities and Law Research], 2016, no. 3, pp. 235–239. (in Russ.).
- Levina V. P. [“Vladivostok Diocesan Gazette” on the Russo-Japanese War of 1904–1905]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal “Kontsept”* [Scientific and Methodological Electronic Journal “Concept”], 2014, vol. 20, pp. 491–495. (in Russ.).
- Opiok T. V. [“Mogilev Diocesan Gazette” on the Events of the Russo-Japanese War of 1904–1905]. *Romanovskiy chteniya: sbornik trudov Mezhdunar. nauch. konf.* [Romanov Readings: Collection of Works of the International Sci. Conf.]. Mogilev: Mogilevskiy gosudarstvennyy universitet im. A. A. Kuleshova Publ., 2005, pp. 91–94. (in Russ.).

Для цитирования: Чуркин М. К. Дискурс «исторического одиночества России» в епархиальной прессе в годы русско-японской войны // Уральский исторический вестник. 2024. № 4(85). С. 60–68. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-60-68.

For citation: Churkin M. K. Discourse of “Historical Loneliness of Russia” in the Diocesan Press during the Russo-Japanese War // Ural Historical Journal, 2024, no. 4(85), pp. 60–68. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-60-68.